

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.026

УДК 316.356.2:379.874(091)

ББК 60.542.17г

Н.И. ЧУРКИНА

**«ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ» В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЛЕДНЕГО
СОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ**

N.I. CHURKINA

**«SUMMER IN THE VILLAGE»
IN THE FORMATION OF IDENTITY
OF THE LAST SOVIET GENERATION**

В статье, на основе сравнения механизмов и факторов формирования поколений (социологических, психологических и др.), делается вывод о возможности исследования летних практик взросления представителей поколения X, которые рассматриваются как один из системных факторов. Цель статьи состоит в выявлении повседневных практик летнего досуга городских детей, которые могли оказать влияние на формирование компонентов ментальности поколения X. Материалами анализа стали тексты 31 включенного интервью с представителями поколения X (1964–1978 г.р.). Проведенный анализ показал, что бытовые условия, культура питания, транслируемые в деревенской культуре ценности, взаимодействие с деревенскими сверстниками и родственниками, оказали влияние на когнитивные, аксиологические и поведенческие черты поколения.

The article, based on a comparison of the mechanisms and factors of the formation of generations (sociological, psychological, etc.), concludes that it is possible to study the summer practices of growing up of representatives of generation X, which are considered as one of the systemic factors. The purpose of the article is to identify the everyday practices of summer leisure of urban children that could influence the formation of components of the mentality of Generation X. The materials of the analysis were the texts of 31 included interviews with representatives of Generation X (born 1964–1978). The analysis showed that living conditions, food culture, values transmitted in village culture, interaction with village peers and relatives influenced the cognitive, axiological and behavioral traits of the generation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поколение, советское детство, летние практики, идентичность, теория идентичности.

KEY WORDS: generation, Soviet childhood, summer practices, identity, identity theory.

ВВЕДЕНИЕ. Представители поколения «X» в современной России играют значимую роль, они составляют около 30% в составе населения, но если посмотреть по составам групп, то по материалам переписи 2020 года они составляли более 60% трудоспособного населения России [1]. Представители этого поколения во многом определяют современное состояние экономики, политики, образования. Все это детерминирует обращение к факторам формирования данной поколенческой общности. Добавляет актуальности этому проекту повышенный научный и общественный интерес к советскому прошлому, феномену советского образования и воспитания. Носителями исторической памяти о недавнем прошлом являются представители старших поколений. К последнему советскому поколению относят поколение X (1964–84 г.р.), несмотря на то, что сознательная часть жизни этого поколения прошла в постсоветский период, как показали исследования психологов, большинство представителей поколения X отождествляют себя с советским поколением [6].

Вокруг теории поколений в научном сообществе сложился противоречивый дискурс: с одной стороны, ее используют представители многих наук и направлений (социологи,

антропологи, философы, историки, психологи), с другой стороны, у теории много противников и критиков, которые стремятся разрушить «мифы о поколениях» [4]. Если научная продуктивность теории подвергается сомнению, то ее практическая польза давно оценена маркетологами и руководителями предприятий.

Ученые, изучая большие общности, акцентируют внимание на разных факторах формирования поколенческой идентичности: историки на общности исторического контекста взросления; социологи на социально-экономических процессах; антропологи на социокультурных явлениях. К. Маннгейм, размышляя о природе поколений, его общих чертах, называет в качестве фактора формирования поколения – сходство местоположения «множества индивидов в социальном пространстве» [3, с. 26–27]. Маннгейм писал о местоположении, имея в виду социальные процессы, историческое время, которое было общим для людей.

Психологи выделяют в качестве маркеров идентичности поколения общую культурно-историческую локализацию. В.И. Пищик признаком поколения называет «не столько близость возраста, сколько общность жизненного опыта, культурно-историческую ситуацию развития, единство идейно-нравственных составляющих, близкую психологию» [5, с. 19]. Интегральной характеристикой поколения она называет ментальность, указывая, что определенные историко-культурные события влияют на тип ментальности (традиционный или инновационный). В рамках данного подхода, ментальность представителей поколения X ученые относят к традиционной, которая выражается в склонности игнорировать негативные стороны жизни, сдерживать страх, позитивно воспринимать себя и окружающий мир, анализировать собственные поступки [7, с. 9].

Для представителей последнего советского поколения (поколения X), одним из общих мест детства было «лето в деревне». В это понятие мы включаем массовую практику отправки детей в 1970–80 гг. на время летних каникул в деревню к родственникам. Особенность социального состава данного поколения состояла в том, что более половины горожан составляло первое или максимум второе поколение переселенцев из села. В исследовании В.М. Чижикова приводятся данные, что даже в конце XX века «более половины горожан составляет первое или максимум второе поколение переселенцев из села» [10]. В 1970–80 гг. этот процент был еще выше. Это означает, что у значительной части городских школьников были близкие родственники (бабушки, дедушки) в деревне.

Мы можем предположить, что традиционный тип ментальности поколения X сложился благодаря тому, что у значительной части представителей данного поколения был детский опыт проживания не только в стабильном (читай, традиционном) советском обществе, но еще в более архаичной деревенской культуре. Это не только повлияло на формирование признаков поколения, но и породило «радость узнавания», когда общность культурных практик детства помогает взрослым представителям одного поколения идентифицировать сверстников как «своих». Указанные теоретические предположения определили **ЦЕЛЬ** данной работы, которая состоит в выявлении повседневных практик летнего досуга городских детей, которые могли оказать влияние на формирование компонентов ментальности поколения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Материалами для статьи стали тексты включенного интервью, которое проводилось в рамках межрегионального проекта 2023 года «Жизненный мир советского школьника вт. пол. XX века в контексте воспитания и социализации». Членами проектной группы было собрано более 100 интервью респондентов, чье детство прошло в период 1960–80 гг., один из модулей интервью был связан летними каникулами в деревне. Из этого массива материалов мы отобрали 31 интервью, респондентами которого стали представители поколения X (1964–1978 г.р.). Наши респонденты узнали советскую деревню в тот период, когда она восстановилась, окрепла после войны. География воспоминаний обширная: Новосибирск, Казахстан, Омск, Кострома, Чебоксары, Москва и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Анализ социальных и экономических условий взросления представителей поколения X позволяет сделать выводы об устойчивости и распространенности культурной практики «дето в деревне», так как:

- у значительной части городских школьников были близкие родственники (бабушки, дедушки) в деревне;
- повседневная жизнь и культура части горожан имела черты сельской культуры, исследователи называют ее «слободская культура», сохранившая массу «атавизмов» крестьянского образа жизни, привязанности к приусадебной сельскохозяйственной деятельности;
- массовая миграция в города приводила к тому, что даже традиционные городские локальные субкультуры приобретали за счёт этого налёт маргинальности, что тормозило качественные урбанизационные процессы [9];
- появились населенные пункты (крупные села, поселки городского типа), в которых стали строить благоустроенные дома, проводить воду, развивать сферу услуг, поэтому культура таких поселений тоже была маргинальной «полусельской».

Этот опыт хорошо укладывается в философскую трактовку понятия «со-бытие» как совместного присутствия. У значительной части поколений был опыт совместного бытия с представителями другой культуры. Но, как отмечал Л.С. Выготский, только та ситуация является развивающей для человека, с которой он взаимодействует. При всей массовости таких практик, не на всех детей эта встреча с деревенской культурой действовала одинаково, были и те, кто старался от нее дистанцироваться. Но при этом деревенская культура оказывала влияние и на этих детей, она становилась рамкой для сравнения собственной жизни и другой культурной традиции, помогала ценить собственный культурный опыт.

Может быть, и еще один аргумент в защиту перспективности оценки исследуемых культурных практик поколения как важного со-бытия, он связан с изменением самого процесса формирования идентичности. Как пишут ученые, «исчезает и привычный проект человека. Теперь схема идентификации меняется. Идентичность не спускается, а конструируется. И не просто конструируется, а самосозидается» [12]. Этот процесс связан не только с тем, что человек выделяет себя из близкой общности, но и начинается в условиях «изменения действительности» [10, с. 73]. Попадая в чужую культуру, человек гораздо быстрее осознает свои особенности, понимает отличия близкой ему группы от другой культурной общности.

Для последнего советского поколения практики аккультурации в деревенской культуре, которые происходили в период летних каникул в деревне, имели иной смысл и содержание, по сравнению с представителями предшествующих поколений. Во время этих практик городские дети получали опыт взаимодействия со своими бабушками и дедушками, носителями традиционной культуры (часто еще и этнической). В традиционной культуре роль старшего поколения «связана с необходимостью передачи опыта, адаптивных реакции молодому для его выживания..., успешной социализации, усвоения имеющихся норм, правил, традиций» [2, с. 75]. Эти нормы способствовали формированию традиционной ментальности поколения X.

Развивая позицию, что ментальность рассматривается «как исторически сложившееся групповое долговременное единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» [6, с. 153]. Через данные компоненты можно представить характерные черты поколения: когнитивные (образ Мира, или внутренняя картина Мира, социальные представления, особенности восприятия); аксиологические (ценностные и смысложизненные ориентации, особенности отношения к объектам и субъектам окружающего мира); поведенческие (стиль жизни, стратегии поведения, особенности взаимодействия с людьми, социальные установки) [8]. Для нашего исследования эти линии зададут рамку для выявления возможного «вклада» деревенских культурных практик в характеристики поколения X.

Это влияние было обусловлено очевидной необычностью деревенской культуры для городского ребенка. Об этом говорило большинство наших респондентов, не зависимо от природно-климатических особенностей самой местности: «Да, это все для нас было другим миром» (Женщина, 1966 г.р. Шымкент (Республика Казахстан); «Ну да, конечно, все очень отличалась, то есть совсем другая жизнь начиналась» (Женщина, 1970 г.р., Москва); «Ну, конечно, всё по-другому» (Мужчина, 1965 г.р., Кострома).

Разрыв между городской и деревенской культурой в период 1970–80 гг. был уже достаточно сильный. Так, на когнитивный компонент наибольшее влияние оказал разрыв бытовых условий жизни, культуры питания. Как показывают материалы интервью, большинство быстро адаптировалось к новым для себя условиям жизни. В результате чего формировались поколенческие черты, связанные с готовностью к некоторым (коротким) ограничениям (в комфорте, питании). «Да, были принципиальные отличия деревенского быта от городской культуры. Вот, например, горница. И там, например, помимо стола, стульев и сундуков, стояли кровати. Когда были рабочие дни, я спала вдвоем со своим братишкой или со своими двоюродными братьями и сестрами. На одной кровати спали девочки, на другой — мальчики. А когда приезжали бабушкины дети, то нам стелили на лавках, сундуках. Стелили зимнюю одежду. Когда мне впервые предложили такое место для сна, я была в шоке. Я взбунтовалась. Но потом я привыкла, и мне даже стало интересно. Туалет был на улице. Так называемая «дырка». Мне, городской жительнице, было очень сложно туда ходить. Раз в неделю была баня, где бабушкам нас парила веником. Мы с двоюродной сестрой визжали, не хотели. Но нас никто не спрашивал, отправляли в баню» (Женщина, 1964 г.р., Тараз (Республика Казахстан). «Непривычно было питание, еда была очень непривычной. До недавнего времени ведь деревня летом мясо, вообще, не ела, основное питание это молочные продукты, яйца, картошка, какие-то другие овощи. Регулярно какой-то куриный суп варили. Только когда приезжали взрослые, папа или мама, или собиралось много родни, тогда могли зарубить барана. Кроме деревенской печи была еще плитка электрическая. Я часто отказывалась от их еды и просила сделать омлет, а бабушка не могла понять, что я от нее хочу. Все эти особенности мешали мне полюбить деревню» (Женщина, 1968 г.р., Омск).

Лето в деревне было связано с общением со старшим поколением, которые пережили войну, голод (в отличие от родителей), поэтому во всех воспоминаниях большое место занимает еда, старшие родственники стремились накормить своих близких. Если в городской культуре того времени уже присутствовало много полуфабрикатов (сосиски, колбасы, котлеты, пельмени и др.), то в традиционной пищевой культуре деревни в 1970–80 гг. основу питания составляли продукты домашнего хозяйства (молоко, масло, творог, сметана, овощи, фрукты) и дикоросы (ягоды, грибы, рыба, мед). В воспоминаниях о практиках деревенского отдыха практически все респонденты вспоминали о парном молоке, деревенском хлебе, который пекли один раз в неделю, вкусной выпечке и национальных блюдах (вареники, шанежки, пироги и др.). В результате системных практик формировалось традиционное (крестьянское) отношение к самому процессу еды, составу продуктов, простоте ее получения (сорвал в огороде или лесу; взял кусок хлеба и стакан молока и др.).

Формирование аксиологического компонента поколения происходило в парадоксальных условиях: трансляция ценности деревенского труда и неучастие в самом процессе труда. Это поколение в деревенском труде, чаще всего, не участвовало: «Особо я ничему не научилась. На кухне нас бабушка от всего оберегала. Радовалась, что мы приехали. Позже, когда стала взрослой я, конечно, помогала. Но я научилась косить траву. Они держали кроликов, и мы ходили косить траву. Там трава была просто бесподобной. Мы пасли коров. И я до сих пор помню этот запах навоза. Стадо было большое. С сестрой поднимались в пять часов утра. Бабушка собирала нам в котомочку поесть, и мы до обеда пасли коров, затем приводили обратно, доили, затем еще раз пасли... Напротив, бабушкиного дома было кукурузное поле. И мы ходили, собирали кукурузу, а затем варили. Собирали мак. Бабушка

собирала его для выпечки... Собирали черные подсолнечные семечки. Собирали картошку, перебирали ее. Мы еще научились ездить на велосипеде («Урал»). Но самое интересное было то, что был колодец. Коромыслом мы не пользовались. Вообще, самое интересное было ходить за водой. Бабушка говорила «по воду». Самое интересное было — набирание воды из колодца» (Женщина, 1966 г.р., Шымкент (Республика Казахстан). Можно сделать вывод, что в практиках деревенской жизни городские дети осваивали простейшие навыки ручного труда, формирование ценности труда.

Родители поколения X как первые поколения взрослых горожан не понимали важности животных в воспитании своих детей. Выросшие в культуре, где животные были частью тяжелого труда, постоянной заботы и источником питания, родители-горожане, не стремились приобретать для своих детей собак, кошек и другую живность. Поэтому городских детей в деревне удивляли животные, которые становились частью их новой повседневности. «Поразило обилие живности — хряки гигантские (от которых надо было беречься), индюки (для меня это была невидаль полная!), аисты на коньках крыш в больших гнёздах» (Мужчина, 1965 г.р., Мурино). Кроме домашних, были дикие животные: «Часто ходили в лес, там были всякие дикие животные, которых мы тоже видели, лисьи норы. На ферме было тоже очень интересно, там животных много было, для городских жителей все было в диковинку. Лошади были, на которых постоянно ездили, то есть запрягали телегу и ехали на лошадях» (Женщина, 1970 г.р. Москва). Формировалось особое отношение к животным, в результате чего, представители поколения X чаще поддерживали собственных детей в желании иметь домашних животных.

Поведенческие характеристики поколения формировались в деревне не только в результате общения со старшими родственниками, но и с деревенскими сверстниками. Многие респонденты отмечали отличия в повседневной жизни деревенских сверстников, которые должны были помогать родителям, ухаживать за домашними животными: «Я так думаю, что много сверстников (детей) было занято на производстве. Младше нас дети были. С ними мы и подружались. И местная девочка, с которой мы подружались, показывала нам земляничные места. Но долго она не могла нас сопровождать: была занята по хозяйству. Редко ей удавалось проводить с нами время» (Женщина, 1959 г.р., Шымкент (Республика Казахстан). Сельские дети в летний период могли позволить отдых только вечером: «Собирались по вечерам, разговаривали. Они не играли в классики, как в городе. Любимое увлечение — катание на мопедах. Друзья все время помогали родителям: сажали, огребали картошку, помогали заготавливать сено, они все лето трудились, в отличие от городских» (Женщина, 1964 г.р., Горький). «Да, в деревне у меня была компания сверстников. Это было интересное общение с деревенскими детьми. Мне было с ними так интересно, что хотелось играть с утра до вечера. Но после того как я с ними познакомилась и подружилась (мы один вечер поиграли), то утром, когда я встала, я никого не увидела на улице. Днем никто не играл. Все были заняты работой. Это было видно, когда я шла мимо какого-либо дома. Кто-то носил воду, кто-то таскал уголь, кто-то полыл в огороде, кто-то развешивал с мамой белье. И я не видела в деревне таких детей, которые слонялись без дела. Только приезжие ходили без дела, так как им особо не давали поручений» (Женщина, 1964 г.р., Тараз (Республика Казахстан). Во время летнего отдыха городские ребята осваивали не всегда типичные для русской деревни занятия: «У русской бабки в Ванновке были дети (в основном казахи), с которыми мы общались по-русски. Научились торговать. Летом было очень много урожая. И выходили на центральную дорогу продавать. Сначала мы немного стеснялись, а потом привыкли. И вот за то, что ты сам продал, то получал деньги, которые были твоими. И вот за лето можно собрать приличную сумму. Осенью купить пальто, сапожки» (Женщина, 1959 г.р., Шымкент (Республика Казахстан).

ВЫВОДЫ. Таким образом, проведенный сравнительный анализ теоретических положений и исследовательских материалов позволил сделать заключение, что многие черты

поколения «X», которое определяют как последнее советское поколение, формировались под влиянием регулярных практик «лето в деревне» в позднесоветский период. Эти встречи с новой для себя культурой способствовали формированию мировоззрения поколения традиционного типа. Что подтвердил анализ материалов включенного интервью с представителями этого поколения. Особые бытовые условия, состав продуктов и культура питания, осознание ценности труда в жизни человека, транслируемые деревенскими родственниками и сверстниками, способствовали формированию признаков поколения (уважение к физическому труду, готовность к некоторым ограничениям в комфорте и др.). А тесное взаимодействие с деревенскими сверстниками обогащало его поведенческие навыки. Все это еще раз подтверждает выводы многих исследователей о важности не только общего социально-политического контекста в формировании признаков поколения, но и общих повседневных практик взросления поколения, важной частью которых для городских детей становилось «лето в деревне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake
2. Мамычева Д.И. Статус детства в преемственности поколений // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2010. № 2. С. 75–81.
3. Маннгейм К. Очерки социологии знания: проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М. 2000. С. 26–27.
4. Мифы о «поколении Z» / Н.В. Богачева, Е.В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64с.
5. Пищик В.И. Психология трансформации ментальности поколений: Автореф. дисс. докт. псих. наук. Ростов на Дону. 2010. 45с.
6. Семенов В.Е. Будущее России в контексте российской полиментальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 3-1. С. 153-165.
7. Сиврикова Н.В. Социально-психологические особенности поколений 70-90-х гг.: Автореф. дисс. канд. псих. наук. Ростов на Дону. 2015. 22с.
8. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 2. С. 100-107.
9. Сидорова Г.П. Советская повседневность: «Преодоление различий между городом и деревней», или культура городская vs сельской // Вестник УлГТУ. 2018. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-povsednevnost-preodolenie-razlichiy-mezhdu-gorodom-i-derevney-ili-kultura-gorodskaya-vs-selskoy> (дата обращения: 19.07.2023).
10. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2005. 240с.
11. Чижиков В.М. Диалектика взаимодействия социокультурных систем города и села: Автореф. дисс... докт культурол. наук. 1999. 32с.
12. Шакурова М.В. Социально-педагогические условия становления социокультурной идентичности личности: монография. Воронеж: ВГПУ, 2006. 200с.

REFERENCES

1. *Itogi VPN-2020. Tom 2. Vozrastno-pолоvoj sostav i sostoyanie v brake* [Results of VPN-2020. Volume 2. Age, sex composition and marital status] URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (data obrashcheniya: 19.12.2023). (In Russian).
2. Mamychева D.I. *Status detstva v preemstvennosti pokolenij* [The status of childhood in the continuity of generations] // Vestnik Taganrogskego instituta im. A.P. Chekhova. 2010. № 2. S. 75–81. (In Russian).
3. Manngejm K. *Oчерki sociologii znaniya: problema pokolenij — sostyazatel'nost' — ekonomicheskie ambicii* [Essays on the sociology of knowledge: the problem of generations — competition — economic ambitions]. M. 2000. S. 26–27. (In Russian).

4. *Mify o «pokolenii Z»* [Myths about “generation Z”] / N.V. Bogacheva, E.V. Sivak; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut obrazovaniya. M.: NIU VSHE, 2019. 64 s. (In Russian).
5. Pishchik V.I. *Psihologiya transformacii mental'nosti pokolenij* [Psychology of transformation of the mentality of generations]: Avtoref. diss. dokt. psih. nauk. Rostov na Donu. 2010. 45 s. (In Russian).
6. Semenov V.E. *Budushchee Rossii v kontekste rossijskoj polimental'nosti* [The future of Russia in the context of Russian polymentality] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2009. № 3–1. S. 153–165. (In Russian).
7. Sivrikova N.V. *Social'no-psihologicheskie osobennosti pokolenij 70–90-h gg.* [Problems of studying generations in psychology]: Avtoref. diss. kand. psih. nauk. Rostov na Donu. 2015. 22 s. (In Russian).
8. Sivrikova N.V. *Problemy izucheniya pokolenij v psihologii* [Problems of studying generations in psychology] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2015. Tom 11. № 2. S. 100–107. (In Russian).
9. Sidorova G.P. *Sovetskaya povsednevnost': «Preodolenie razlichij mezhdur gorodom i derevnej», ili kul'tura gorodskaya vs sel'skoj* [Soviet everyday life: “Overcoming the differences between city and country,” or urban vs rural culture] // Vestnik UIGTU. 2018. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-povsednevnost-preodolenie-razlichij-mezhdur-gorodom-i-derevnej-ili-kulturna-gorodskaya-vs-selskoj> (data obrashcheniya: 19.12.2023). (In Russian).
10. Slavskaya A.N. *Lichnost' kak sub"ekt interpretacii* [Personality as a subject of interpretation]. Dubna: Feniks+, 2005. 240 s. (In Russian).
11. CHizhikov V. M. *Dialektika vzaimodejstviya sociokul'turnyh sistem goroda i sela* [Dialectics of interaction between sociocultural systems of town and village]: Avtoref. diss... dokt kul'turoi. nauk. 1999. 32 s. (In Russian).
12. SHakurova M. V. *Social'no-pedagogicheskie usloviya stanovleniya sociokul'turnoj identichnosti lichnosti* [Socio-pedagogical conditions for the formation of a person's sociocultural identity]: monografiya. Voronezh: VGPU, 2006. 200 s. (In Russian).